

Легитимность Красного Дракона: включение политикумов и виртуальных сообществ в сетевой полис Китая

Legitimacy of the Red Dragon: inclusion of politicumand virtual communities in China's Network Polis

УДК 32.019.51

Получено: 03.09.2019

Одобрено: 11.09.2019

Опубликовано: 25.09.2019

Федорченко С.Н.

Канд. полит. наук, доцент кафедры политологии и права; заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе и международным отношениям Московского государственного областного университета, доцент
e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

Fedorchenko S.N.

Associate Professor, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science and law; Deputy Dean of the Faculty of History, Political Science and Law for scientific work and international relations of Moscow Region State University.
e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

Аннотация

Работа нацелена на изучение проблемы легитимности политического режима Китая в условиях эволюции сетевых коммуникаций. Методологической основой послужили принципы функционального подхода, сравнительного анализа и контент-анализа. В статье исследованы виртуальные сетевые сообщества Китая. Подчеркивается, что страна уходит от односторонней цензуры («строгого Дракона») к более гибким приемам «умного Дракона», подразумевающих создание собственных социальных сетей, провластных сообществ, приложений и других лояльных ресурсов, поэтому обеспечение цифрового суверенитета и прочной легитимности китайской власти достигается через последовательное включение «политикумов» в особый «сетевой полис». Также автор делает ряд терминологических уточнений. Во-первых, политический режим рассмотрен как определенный порядок функционирования политической системы, введенный политической элитой страны. Во-вторых, под легитимностью политического режима понимается согласие общества и власти по поводу оптимальности и справедливости практики технологий и коммуникаций существующих политических институтов. В-третьих, сетевой полис трактуется как совокупность зависимых от интересантов сетевых арен гражданского участия, посредством которых формируются сетевые политические идентичности, культуры и политическая повестка, обеспечивающие легитимацию / делегитимацию конкретной политической системы, ее государства и политического режима.

Ключевые слова: Китай, легитимность, политический режим, Коммунистическая партия Китая, легитимация, социальные сети, сетевой полис, политикум, сетевые сообщества.

Abstract

The work is aimed at studying the problem of the legitimacy of the political regime of China in the context of the evolution of network communications. The methodological basis was the

principles of a functional approach, comparative analysis and content analysis. The article explores China's virtual network communities. It is emphasized that the country is moving away from one-sided censorship («strict Dragon») to more flexible methods of «smart Dragon», which imply the creation of their own social networks, pro-government communities, applications and other loyal resources, therefore ensuring digital sovereignty and lasting legitimacy of Chinese power is achieved through consistent inclusion of «politicum» in a special «Network Polis». The author also makes a number of terminological refinements. Firstly, the political regime is considered as a certain order of functioning of the political system, introduced by the political elite of the country. Secondly, the legitimacy of the political regime is understood as the consent of society and the authorities regarding the optimality and fairness of the technology and communications practices of existing political institutions. Thirdly, a network polis is interpreted as a set of interest-dependent network arenas of civic participation, through which network political identities, cultures and political agendas are formed that provide legitimization / delegation of a specific political system, its state and political regime.

Keywords: China, legitimacy, political regime, Chinese Communist Party, legitimation, социальные сети, Network Polis, politicum, network communities.

*...Всякое государство представляет собой своего рода общение
Аристотель, «Политика»*

Легитимность по Липсету

Политологическая категория легитимности связана с феноменами согласия, поддержки, доверия и авторитета. Без прочной легитимности политического режима невозможно представить стабильность системы общественных отношений, полноценное развитие экономики в рамках стратегически ориентированных политических проектов, осуществляемой властью. Но часто существует терминологическая путаница между категориями «политическая система», «политический режим» и «государство». Как правило, под политической системой понимается совокупность базовых элементов – политических институтов и отношений, которые и сохраняют ее стабильность. К политическим институтам (институциям) часто относят государство, институт главы государства, парламент, партии, а в некоторых странах армию и даже церковь. Государство является древнейшим политическим институтом, подразумевающим разветвленный аппарат органов власти, организующих совместную жизнь населения на определенной территории, поддерживающий там сложившийся социальный порядок посредством норм и правил (А.И. Соловьев). Согласно функциональному подходу (Г. Лассуэлл, Т. Парсонс, Н. Луман, Д. Истон, Н.А. Баранов, А.И. Соловьев), *политический режим можно рассматривать как определенный порядок функционирования политической системы, введенный политической элитой страны*. Особенно важно замечание Н.А. Баранова о политическом режиме как характере «взаимосвязи государственной власти и общества» [1, с. 139].

Если свести эти элементы в общую модель, то стабильность сложившейся в стране политической системы поддерживается основным политическим институтом – государством, характеризуемого установленным элитой специфическим порядком функционирования политической системы – политическим режимом, чья деятельность проявляется в практике политических технологий и организации политических коммуникаций. Итак, государство больше связано с нормативной и административной стороной обеспечения работоспособности политической системы, тогда как политический режим используется элитой для политико-коммуникационного и политико-технологического сопровождения нормативной и административной практики. Тогда как под *легитимностью политического режима можно понимать согласие общества и власти по поводу оптимальности и справедливости практики технологий и коммуникаций существующих политических институтов*. Данное понимание легитимности в настоящей работе будет во многом основано на подходе американского

политолога С.М. Липсета [7]. Ученый посвятил этому феномену третью главу своей книги «Политический человек: социальные основания политики».

Липсет описывает легитимность как способность политической системы «порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты являются самыми подходящими и приемлемыми для данного общества». Тем не менее, Липсет часто пишет именно о легитимности политического режима (ancient regime), подразумевая, что именно через последний обретает поддержку и стабильность политическая система. Описывая проблемы легитимности (делегитимацию), политолог выделяет ее «кризисы»:

– кризис изменений (консервативные группы и институты оказываются под угрозой либо крупные группы не имеют доступа к политической системе), преодолеваемой непрерывностью и преемственностью традиционных институтов;

– кризис «вхождения в политическую жизнь», которого можно избежать организацией адекватного механизма доступа новых социальных групп в политическое пространство;

– отсутствие единой «секулярной политической культуры», решаемое формированием общего символического поля страны из ритуалов, исторических героев и праздников.

Отдельное внимание Липсет уделяет соотношению легитимности с эффективностью власти. Важно оговориться, что он не уравнивает эти два явления, но признает значимость эффективности для удержания легитимности, показав такие общеполитические закономерности (табл. 1) [7, с. 93–94].

Таблица 1

Комбинации легитимности и эффективности по Липсету

		ЭФФЕКТИВНОСТЬ	
		+	–
ЛЕГИТИМНОСТЬ	+	А	В
	–	С	D

Наихудший вариант для политического режима, когда общества соответствуют комбинации D. Легитимность терпит крах, если только режим не берет курс на диктатуру. Наилучший вариант – А, где легитимность сочетается с эффективностью. Допустимы С и В (табл. 1). При этом Липсет уверен, что если политический режим показывает длительную эффективность, то он способен упрочить свою легитимность. Соотношение легитимности и эффективности политического режима в современном мире все больше приобретает характер стратегического равновесия. Лучше всего это видно на примере политического режима Китая, с одной стороны, старающегося сохранить коммунистическую идеологию и социалистическую основу своей внутренней политики, не утратить традиционные ценности и идентичность, с другой, все активней общающегося к цифровизации, развитию сетевых коммуникаций и виртуальных сообществ.

Сетевой полис и политикумы

Красный Дракон, современный Китай, все больше в своих политических технологиях обращается к интернет-технологиям. Страна с динамично развивающейся экономикой, численностью населения порядка 1 млрд 406 тыс. чел. имеет свыше 802 млн интернет-пользователей. Динамика роста пользователей Сети видна в докладе Китайского информационного интернет-центра (CNNIC), согласно которому лишь за первые шесть месяцев 2018 г. их число увеличилось на 3,8% (на 29,68 млн чел.). Конечно, пока сохраняется цифровое неравенство (подключение к Интернету имеют 57,7% [2]), однако власти намерены исправить эту ситуацию за счет «погружения» новых пользователей в

собственные внутренние сетевые площадки с отчетливыми признаками Интранета. Такая политика имеет под собой веские основания. Китайский политический режим – это порядок функционирования политической системы, в котором местной элитой учитывается несколько компонентов: а) коммунистическая идеология, надзор над идейно-символическим полем, цензура, б) ставка на цифровизацию и развитие современных отраслей экономики, в) учет китайских ценностей и традиций.

Не последнюю роль в механизме «тонкой настройки» легитимности современной КНР играют так называемые политикумы. Исследователи Ю.В. Ключев и Д.В. Зубко в своей статье пишут, что «политикумы представляют собой активные социальные группы, обособившиеся от большинства и проявляющие интерес к управлению обществом. В коммуникативном плане их деятельность основана на максимальной открытости и публичности, которая включает широкое присутствие в повестке дня СМИ и активную самопрезентацию в интернете» [5], «...политикумы – уже не большинство, но еще не элиты». Как видно, авторы обращают внимание на переходный, «пограничный» характер этого феномена, во многом продуцируемого через интернет-коммуникации. Китайские власти уже давно осознали, что полностью все подвергать цензуре – себе дороже. Вместо этого Красный Дракон довольно продуктивно использовал период фильтрации западных социальных сетей, чтобы в сотрудничестве с местным бизнесом создать альтернативные сетевые коммуникации, независимые своими основными активами от зарубежных инвесторов. Такими приемами только укрепилась легитимность коммунистического Пекина. Огромное население, имеющее самые разнообразные интересы, тем не менее, удерживается в едином идеологически-символическом поле благодаря контролю режимом активного дискурса всевозможных сообществ. Состав китайских политикумов самый разнообразный – это не инкорпорированные во властные структуры и высшую политическую элиту категории – обычные гражданские активисты, озабоченные экологической темой, партийные работники и чиновники, не подключенные к принятию стратегических политических решений в стране, волонтеры, сторонники автономизации (Синьцзян-Уйгурский автономный округ, Гонконг, Тибет), а также участники радикальных антиправительственных сетей и экстремисты.

Обеспечение цифрового суверенитета и прочной легитимности власти достигается через последовательное включение и удержание политикумов в особой сетевой системе Интранета. Ничего нового в этом нет. Архаичные по своей сути политические технологии масштабирования удобных коммуникационных площадок для населения с целью выяснения и контролирования его мнения известны на примере античных древнегреческих полисов, а также их народных собраний и театров. Катарсис, ощущение сопереживания общей повестке, коллективным достижениям и проблемам во многом разряжает ситуацию, создает ощущение единства сообщества. Но оно не обязательно пересекается с интересами государства как такового. Вот почему самое важное – соотнести идентичность любого такого политикума с макрополитической идентичностью страны. Китайский режим делает это через развертывание мощного сетевого полиса. В авторском понимании *сетевой полис – это совокупность зависимых от заинтересованных (господствующих в обществе политических элит и связанных с ними крупных корпораций) сетевых арен гражданского участия, посредством которых формируются сетевые политические идентичности, культуры и политическая повестка, обеспечивающие легитимацию / делегитимацию конкретной политической системы, ее государства и политического режима*. Ключевым моментом здесь является то, что политические заинтересованные стороны заинтересованы в создании арен участия, чтобы с помощью них влиять на массовое сознание (рис. 1). Если политический режим не выстраивает собственный сетевой полис в условиях распространения и эволюции новых медиа – сетевых коммуникаций, то сетевые сообщества постепенно захватывают самые разные политикумы, в том числе и враждебные по отношению к официальной власти.

Распространено мнение, что Интернет – пространство без границ, однако есть система распределения доменных имен, а также «припаркованность» web-ресурсов к этим самым доменам, также нельзя игнорировать привязку SIM-карты человека через документы, идентифицирующие его личность (паспорт, например). На самом деле Интернет – это битва за умы граждан, особенно молодежи, в ходе которой используются самые разные манипулятивные средства информационного воздействия. Но наилучшим примером таких подвижных границ – сетевых фронтиров – являются обсуждаемые ценности сетевых сообществ, их подтверждение либо оспаривание целой системой лайков, дизлайков, респостов, комментариев, мемов, хештегов. Граница сетевого полиса проходит по тем сетевым аренам участия, где доминирует определенная сетевая политическая идентичность.

Рис. 1. Сетевой полис как опора легитимности политического режима

Арены участия, как пишет М.А. Завадская, создаются участниками, интеракции которых регулируются набором правил и комплексом легитимных практик. Индикатором институционализации арены участия является факт коммуникации между ее участниками [3]. Данные арены появляются индоктринальным путем, «сверху», при участии власти, капитала, либо стихийно-демократично, «снизу», в ответ на обострившиеся проблемы в политической системе. В одном варианте эти арены участия разбираются между политикумами, пока еще не ставшими элитами, но уже претендующими на властные позиции посредством дискурса. Тогда политический режим может получить неуправляемый конгломерат самых разных медийно активных интересантов, перехватывающих его политическую повестку и подрывающих к нему доверие населения. Когда же политикумы со своими основными аренами участия включаются в сетевой полис, режим укрепляет собственную легитимность современными сетевыми способами.

Таким образом, сетевой полис способен упрочить легитимность политического режима и сохранить цифровой суверенитет его государства в условиях информационных войн, если включенные общим ценностно-символическим контуром в его сферу политикумы, с одной стороны, сохраняют свою субкультуру, тематический дискурс и определенную автономию используемых ими сетевых арен участия. Ценности, сплачивающие вокруг сетевого полиса политикумы и их арены участия, могут быть представлены хештегами, тематическими постами, комментариями, репостами, лайками, мемами и т.п.

Политикумы способны интегрироваться в сетевой полис (см. рис. 1), придерживаясь некой единой макрополитической идентичности, с помощью следующих сетевых арен участия:

- сообщества социальных сетей;
- интернет-энциклопедии;
- форумы;
- чаты в мессенджерах и других системах;
- блоги и микроблоги;
- тлоги;
- видеохостинги;
- онлайн-компьютерные игры;
- новостные сайты и агрегаторы;
- онлайн-комиксы.

Самое примечательное в том, что китайский политический режим ориентирован на создание аналогов всем этим западным вариантам сетевых коммуникаций. Обработка общественного мнения через перечисленные арены сетевого участия дает возможность Пекину воспроизводить лояльную по отношению к себе политическую идентичность, а значит, упрочить легитимность политического режима.

«Строгий Дракон»: цензура китайского режима в сети

Китай использует несколько видов контроля интернет-коммуникаций: а) политический (GoldenShieldProject), б) корпоративный (через политику профилактики со стороны владельцев социальных сетей и интернет-ресурсов) и в) социальный (через самих граждан).

Политическая цензура. Наибольшее значение для китайцев имеют не такие популярные зарубежные платформы как Facebook, Instagram и Twitter (которые к тому же блокируются), а социальные сети WeChat, QQ, Renren, SinaWeibo, TencentWeibo и Momo. Проект «Золотой щит» (GoldenShieldProject, jindungongcheng), упоминаемый в разговорной речи как «Великий брандмауэр Китая» (fanghuochangcheng), является самым известным инструментом контроля над местными коммуникациями, специально созданный китайским правительством, принятый интернет-провайдерами и управляемый Министерством общественной безопасности. Его основной целью является предотвращение посещения местных пользователей антирежимных сайтов и контроль принципа поисковых запросов через ключевые термины. «Золотой щит», как правило, реагирует на значимые для режима политические события, осуществляя фильтрацию интернет-трафика, внедряя новые технологии цензуры в ответ на контрмеры со стороны граждан. Исследователь Т. Макдональд отмечает, что приемы «Золотого щита» были оперативно расширены в 2014 г., когда в Гонконге происходили протесты [9, с. 37]. Golden Shield предотвращал доступ к сервису обмена фотографиями Instagram, т.к. в нем появилось множество фото конфликтов между протестующими и полицией. Поисковая система Baidu также используется в контроле запросов по тегам. По мнению австралийского политолога Дж. Кина, пока централизованной системы цензуры сетей в Китае не сложилось, и встречаются довольно разнообразные приемы контроля информации [4, с. 257-259]: конфигурирование интернет-шлюзов, контроль Wi-Fi в гостиницах и интернет-кафе, фишинг имен пользователей, бан ключевых слов в SMS-сообщениях, замедление интернет-соединения, перенаправление пользователей на другие сайты, вмешательство в сетевые дискуссии, деятельность интернет-полиции.

Корпоративная цензура. В китайских социальных сетях также существует практика контроля, но со стороны не режима, а самих компаний. Держатели активов сетей не заинтересованы в проблемах с официальным Пекином, поэтому контролируют и удаляют гипотетически нежелательный контент и аккаунты, тем самым помогая Министерству общественной безопасности. Китайская администрация киберпространства (Cyberspace

Administration of China, SAC) с 2017 г. перешла от парадигмы ответственности руководства интернет-платформ к парадигме ответственности конкретного пользователя за свои действия (атомизация и персонализация цензуры).

Социальная цензура. Исследование, проведенное Т. Макдональдом в г. Аньшане, показало, что его жители старались избегать публикации политических постов в QQ и WeChat не потому, что боялись репрессий правительства или владельцев социальных сетей, а опасались неодобрения и критики со стороны семьи и друзей. Если коммуникация на уровне китайских новостных агентств (и их аккаунтах в соцсетях) организована в виде нисходящих потоков, нацеленных на поддержку центрального правительства, то местные власти имеют меньше официальных аккаунтов в соцсетях и ориентированы на формирование повестки, затрагивающей местные вопросы – праздники, местные новости. На местном уровне (особенно на селе и в небольших городах) социальные медиа используются китайскими гражданами для собственной идентификации с широким понятием семейного национального государства, что вполне соответствует патриархальным ценностям конфуцианства. Исследование показало, что подавляющее большинство сообщений пользователей в сети QQ связано с детьми, романтикой и браком, а не с политическими событиями и новостями. Китайские граждане заинтересованы в ограничении доступа своих несовершеннолетних детей к онлайн-играм и противоречивому контенту. Пользователи считают QQ и WeChat ресурсами, подходящими не для негатива, а только для позитивных постов. Примечательно, что сельские интернет-кафе в большей степени основаны на сетевых сообществах, чем их городские коллеги.

«Умный Дракон»: складывание национального сетевого полиса КНР

Т. Макдональд зафиксировал, что в течение всего периода проводимых им исследовательских полевых работ лишь один участник (парикмахер в г. Аньшан) установил программу Virtual Private Network (VPN), позволившую ему обойти «Золотой Щит» и зарегистрироваться в Facebook. Однако через несколько дней он разочаровался в Facebook, где у него не было друзей и подписчиков, и вернулся к коммуникации через платформы QQ и WeChat. Как видно, политический режим добился своей цели – гражданам Китая интереснее существовать в условиях национальных, а не зарубежных сетей. Китай не остановился на цензуре, а формирует собственный сетевой полис, активно конструируя и включая в него сетевые сообщества молодежных, волонтерских и даже партийных политикумов (большой массы партийных работников-исполнителей, не подключенных к принятию важнейших для страны политических решений).

WeChat – один из наиболее активно развивающихся китайских сетевых ресурсов. Здесь множество аккаунтов, имеющих миллионные френдленты. Это ставит WeChat в ряд с крупнейшими официальными массмедиа КНР по степени влияния на массовое сознание, хотя его нельзя назвать сильно политизированным ресурсом. В отличие от QQ Groups, где есть ограничения на количество групп, которые могут быть созданы пользователем, а также существует проверка подлинности и назначенный администратор, группы WeChat часто на практике меньше по размеру и могут создаваться более неофициально и спонтанно, разрешая добавлять отдельных друзей. Функция «Подписки» (dingyue) позволяет пользователям следить за объявлениями зарегистрированных в WeChat государственных органов власти. WeChat цензурирует то сообщение, которое содержит комбинацию ключевых слов, существующих в черном списке. Больше слов отслеживается именно в групповых чатах, а не в личных сообщениях. Блокировка опасных сообщений в WeChat связана с политическими фейками, темами терроризма, экстремизма, сепаратизма, недостоверными слухами о борьбе за власть, кадровых перестановках в Коммунистической партии Китая (далее – КПК), непроверенными слухами о разных политиках и сторонниках экс-лидера Цзян Цзэминя (цзянской группой – 江派) [8]. Таким образом, жесткий вариант цензуры заменяется на более гибкий сетевой контроль.

Действия политического режима понятны, он старается контролировать политическую повестку и опасается использования сетевых сообществ радикальной политической оппозицией. Важно подчеркнуть, что сетевой цензурой занимается любой режим, вопрос заключается только в выявлении ее специфики, зависящей от целей и задач власти.

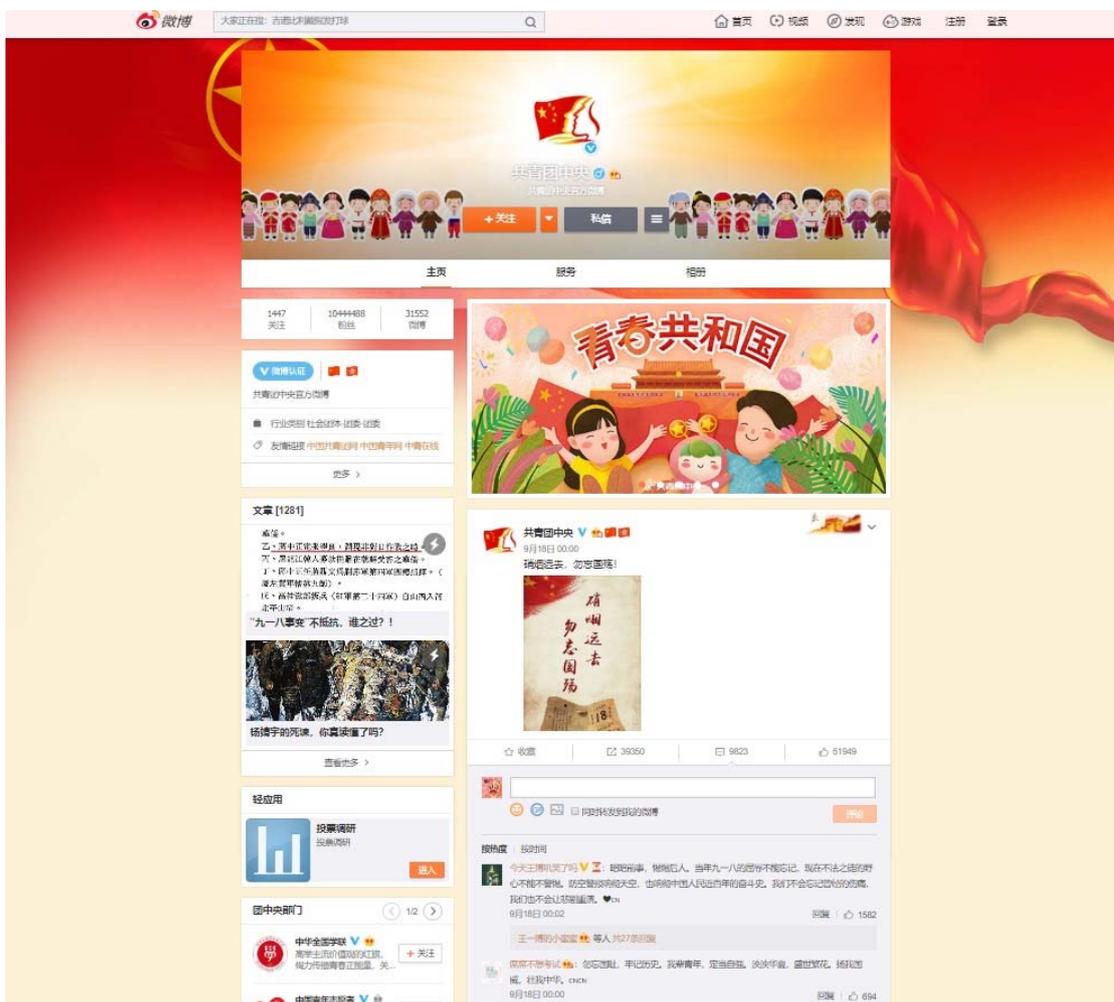

Рис. 2. Сообщество Коммунистического союза молодежи Китая [10]

Микроблоги Tencent Weibo и Sina Weibo, как сетевые социальные медиа-платформы, позволяют пользователям делиться короткими сообщениями онлайн, видимыми всем, тогда как в сетях QQ и WeChat контент виден только друзьям. Однако именно эта широкая открытость делает микроблоги менее популярными среди китайцев. Те же пользователи, которые предпочитают Weibo, усматривают преимущества микроблогов в подписках на «лидеров мнений» – знаменитостей, ученых, общественных деятелей, интересующих их организаций и т.п. Микроблоги Weibo на деле включают политикумы волонтерских, студенческих и других молодежных организаций, предоставляя их наиболее активным участникам высказываться на самые разные проблемы общественной, культурной и экономической жизни. Например, пользуется популярностью сообщество 共青团中央 – Коммунистического союза молодежи Китая, у которого свыше 10 млн подписчиков (рис. 2). Сообщество 中国青年志愿者 (Китайская молодежная ассоциация добровольцев) имеет свыше 4 млн. участников. Все популярные сообщества довольно активны своими регулярными постами, видеоконтентом, репостами, а также гиперссылками, комментариями и лайками к ним. Посты характеризуются позитивной стилистикой, темами просвещения, важности науки, спорта.

В этом сообществе мы встречаем оперативную интерпретацию недавних политических событий в стране, как попытке американцев и, в частности Сороса, организовать в стране

переворот: «...В последние месяцы в Гонконге продолжаются беспорядки... Сорос. Он поддерживал акции во время беспорядков через Ли Чжиин и убеждал молодых людей выходить на улицы с целью сохранить беспокойство в Гонконге и объединить усилия, чтобы спровоцировать финансовую войну и «цветную революцию». Комментарии к этому посту, – в основном поддерживающие позицию официального Пекина: «В период финансовых потрясений 1997-1998 годов страна спасла Гонконг небольшим количеством валютных резервов...», «Будьте осторожны с цветной революцией», «Глобальный золотой мастер «цветной революции» в сговоре с Ли Чжиин», «Сложно бросить вызов восточному дракону с древней мудростью и характерной жизненной силой...», «...Это тот же Сорос, что и финансовый кризис 1997 г.? Таким образом, цель хаоса очевидна, опасайтесь цветной революции!».

Изрядная активность наблюдается в других провластных сообществах – 中华全国学联 (Всеитайской федерации студентов, свыше 1 млн подписчиков) и 共青团北京市委员会官方微博 (Официальный комитет коммунистической лиги Пекина, свыше 1 млн участников). Популярный форум «Железная кровь» (Ironblood, 铁血论坛) специально создан для любителей военной тематики. На нем обсуждаются новинки вооружения разных стран, сохраняется патриотический дискурс. На форуме встречаются и довольно критические комментарии. Вполне вероятно, что китайские власти все же учитывают необходимость сетевого катарсиса – очищения от сомнений в действиях режима путем дискуссий, выхода эмоций, «выпуска пара» на сетевых аренах участия с последующим закреплением ощущения сопричастности к судьбе страны. Помимо этого, с критиками военной мощи Китая, как правило, яростно спорят сторонники режима. Параллельно реализуются футболки и другая продукция с патриотическими лозунгами.

Кроме патриотических групп, волонтеров и студенческих движений к политикумам можно отнести массу китайских партийных работников, которые, с одной стороны, не являются частью политической элиты, так как не отвечают за разработку и принятие стратегических политических решений, но, с другой стороны, сохраняют принципиальную важность для политического режима, заинтересованного в их оперативном функционировании, лояльности и надежности. В 2019 г. для партийных деятелей КНР было разработано специальное web-приложение «Изучение великой державы» (XuexiQiangguo), доступное на AppStore и PlayMarket для скачивания пользователями (рис. 3). Скоро оно стало обгонять по популярности даже мессенджер WeChat. Запуск приложения инициирован отделом пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Китая, которое посвящено персоне Си Цзиньпина.

Пользователь, скачавший партийное приложение, введя подлинное имя и номер телефона, может получать баллы за ежедневное пользование ресурсом, чтение статей, комментирование публика и прохождение тестов по вопросам политических взглядов Си Цзиньпина. Функционал у приложения XuexiQiangguo довольно специфичный и делится на «политический» и «социальный» сегменты. С помощью политического функционала можно смотреть телепередачу «Время Си Цзиньпина», читать новости о Си Цзиньпине, видеть его цитаты, а также изучать его политическую философию. Тогда как через социальный функционал пользователи способны делать звонки, отправлять сообщения, а также организовывать групповые видеоконференции. В нем можно читать новости про, его цитаты, и изучать политическую философию китайского лидера. Помимо этого, в приложение встроены социальные функции: в нем можно звонить, отправлять сообщения — как обычные, так и исчезающие после прочтения, как в Snapchat – и даже проводить групповые видеоконференции.

Рис. 3. Web-приложение, разработка которого была инициирована Коммунистической партией Китая [6]

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что легитимность политического режима означает согласие общества и власти по поводу оптимальности и справедливости практики технологий и коммуникаций существующих политических институтов. Очевидно, что китайский политический режим старается прочно связать свою легитимность с эффективной организацией собственных сетевых коммуникаций. Режим ориентирован на создание аналогов всем западным вариантам сетевых коммуникаций, тогда как обработка общественного мнения через арены сетевого участия дает возможность Пекину воспроизводить лояльную по отношению к себе политическую идентичность. Сетевой полис, который старательно создает КНР, на деле означает совокупность зависимых от интересантов (господствующих в обществе политических элит и связанных с ними крупных корпораций, в том числе IT) сетевых арен гражданского участия, посредством которых формируются сетевые политические идентичности, культуры и политическая повестка, обеспечивающие легитимацию / делегитимацию конкретной политической системы, ее государства и политического режима. Китай надеется сохранить свой цифровой суверенитет и усилить легитимность режима через включение разных

политикумов в национальный сетевой полис. Как видно, страна уходит от односторонней цензуры («строгого Дракона») к более гибким приемам «умного Дракона», подразумевающих создание собственных социальных сетей, провластных сообществ, приложений и других лояльных ресурсов. Такая стратегия понятна в условиях информационного противостояния с Западом и существующих внутренних политических рисков (Гонконг и т.п.).

Литература

1. Баранов Н.А. Современная демократия: эволюционный подход. - СПб.: Балт. гос. технич. ун-т, 2007. – 208 с.
2. В Китае число интернет-пользователей превысило 800 миллионов человек. URL: <https://ria.ru/20180822/1526980024.html>(дата обращения: 03. 09.2019).
3. Завадская М.А. Арены участия: Россия в европейском контексте //Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. - М.: РАПН, РОССПЭН, 2011. – С. 201–202.
4. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. – М.: ВШЭ. 2015. – 312 с.
5. Клюев Ю.В., Зубко Д.В. Элиты и политикумы в пространстве коммуникации: актуализация элитологического дискурса //Журнал политических исследований. – 2019. – Т. 3. – №3.
6. Коммунистическая партия Китая выпустила пропагандистское приложение, посвященное своему лидеру Си Цзиньпину. В считанные дни оно стало самым популярным на территории КНР. URL: <https://itc.ua/blogs/kommunisticheskaya-partiya-kitaya-vyipustila-propagandistskoe-prilozhenie-posvyashhennoe-svoemu-lideru-si-tszinpinu-v-schitannyye-dni-ono-stalo-samyim-populyarnym-na-territorii-knr/> (дата обращения: 03.09.2019).
7. Лунсем М. Политический человек: социальные основания политики. /Пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. - М.: Мысль, 2016. – 612 с.
8. Crete-Nishihata M., Ruan L., Dalek J., Knockel J. Managing the Message. What you can't say about the 19th National Communist Party Congress on WeChat. URL: <https://citizenlab.ca/2017/11/managing-message-censorship-19th-national-communist-party-congress-wechat/> (дата обращения: 01.09.2019).
9. McDonald T. Social Media in Rural China. Social Networks and Moral Frameworks. - L.: UCL Press, University College London, 2016. 220 p.
10. 共青团中央.URL: https://www.weibo.com/p/1001063937348351/home?from=page_100106&mod=TAB&is_hot=1#1569095562080 (дата обращения: 01.09.2019).

References

1. Baranov N.A. *Sovremennayademokratiya: evolyutsionnyypodkhod* [Modern democracy: an evolutionary approach]. - SPb.: Balt. gos. tekhnich. un-tPubl., 2007, 208 p.
2. V Kitaechislo internet-pol'zovateleyprevysilo 800 millionovchelovek [In China, the number of Internet users has exceeded 800 million]. Available at: <https://ria.ru/20180822/1526980024.html> (Accessed: 09.09.2019).
3. Zavadskaya M.A. *Arenyuchastiya: Rossiya v evropeyskomkontekste* [Arenas of participation: Russia in the European context] *Grazhdaneipoliticheskiepraktiki v sovremennoyRossii: vosproizvodstvoitransformatsiyainstitutsional'nogoporyadka* [Citizens and political practices in modern Russia: reproduction and transformation of the institutional order]. M., RAPN, ROSSPEN Publ., 2011, p. 201-202.
4. Kin D. *Demokratiyaidekadans media* [Demokratiyaidekadans media]. M., VShE Publ., 2015. 312 p.

5. Klyuev Yu.V., Zubko D.V. *Elityipolitikumy v prostranstvekommunikatsii: aktualizatsiya elitologicheskogo diskursa* [Elites and politicians in the space of communication: actualization of the elitological discourse]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2019, V. 3, I. 3.
6. Kommunisticheskaya partiya Kitaya vypustila propagandistskoe prilozhenie, posvyashchennoe svoemu lideru Si Tszin'pinu. V schitannyye dni ono stalosamyim populyarnym na territorii KNR [The Chinese Communist Party has released a propaganda supplement dedicated to its leader Xi Jinping. In a matter of days, it became the most popular in China]. Available at: <https://itc.ua/blogs/kommunisticheskaya-partiya-kitaya-vyipustila-propagandistskoe-prilozhenie-posvyashhennoe-svoemu-lideru-si-tszinpinu-v-schitannyye-dni-ono-stalosamyim-populyarnym-na-territorii-knr/> (Accessed: 09.09.2019).
7. Lipset M. *Political man: social foundations of politics* [Politicheskii chelovek: sotsial'nye osnovaniya politiki] Per. s angl. E.G. Gendelya, V.P. Gaydamaka, A.V. Mateshuk. M., Mysl' Publ., 2016, 612 p.
8. Crete-Nishihata M., Ruan L., Dalek J., Knockel J. *Managing the Message. What you can't say about the 19th National Communist Party Congress on WeChat*. Available at: <https://citizenlab.ca/2017/11/managing-message-censorship-19th-national-communist-party-congress-wechat/> (Accessed: 09.09.2019).
9. McDonald T. *Social Media in Rural China. Social Networks and Moral Frameworks*. L., UCL Press, University College London Publ., 2016, 220 p.
10. 共青团中央. Available at: https://www.weibo.com/p/1001063937348351/home?from=page_100106&mod=TAB&is_hot=1#1569095562080 (Accessed: 09.09.2019).